

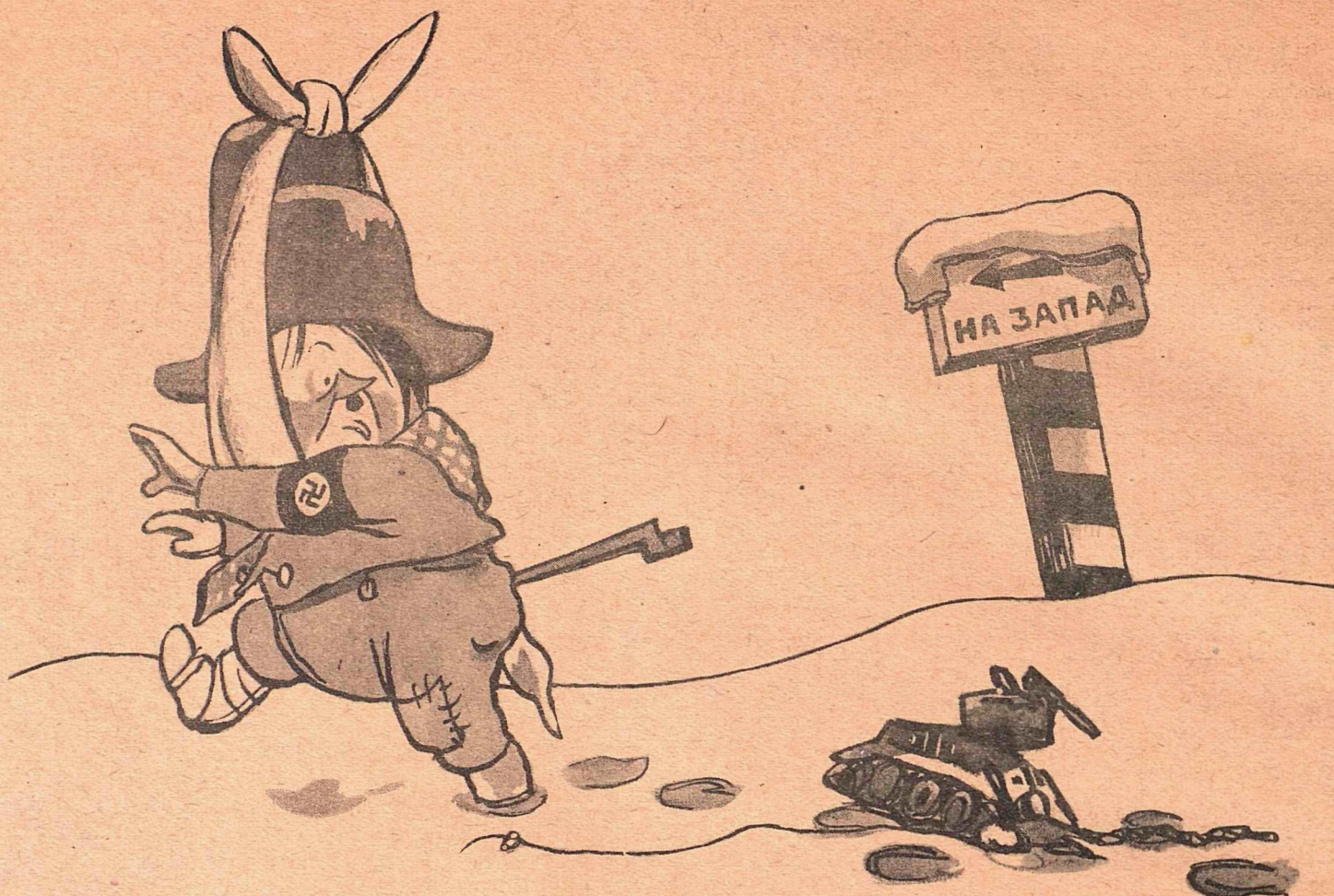
К Р О К О Д И Л

КУКУРЫНИКСЫ 49.

Рис. Кукрыниксы

Фашистская унтер-офицерская вдова, которая сама себя высекала.

Первые шаги нового германского главнокомандующего.

Как согреться?

ГЕНЕРАЛ фон Пфейфер, потерявший при нескольких поспешной перемене резиденции чемодан, бритву и левый сапог, осел, наконец, в какой-то сырой землянке и велел пригласить к себе господ офицеров.

Господа офицеры быстро собрались.

— Известно ли вам, милостивые государи,— начал генерал, откашлявшись и отчихавшись,— что мы отступаем?

Для офицеров, которые, не переводя дух, удирали по крайней мере пятьдесят километров, генеральское сообщение не оказалось особенной сенсацией.

— Итак, это вам, повидимому, известно... Но известно ли вам, почему мы отступаем?

— Вероятно потому, что русские наступают,— наивно предположил молоденький лейтенант с испуганными глазами.

Генерал кинул на него суровый взгляд и сказал, отчеканивая каждое слово:

— Запомните, господа: мы не отступаем, мы просто отводим свои войска на зимние квартиры...

Все невольно посмотрели на мокрую, занесенную снегом землянку и тяжело вздохнули, вспомнив высокую комнату с пылающим каминком, которую занимал генерал фон Пфейфер в городе Калининне.

— М-да...— протянул пожилой полковник, лягая зубами от сырости,— странная страна — Россия... Зимние квартиры здесь почему-то расположены в лесу и в сугробах. Бр-р! Я предпочел бы до весны посидеть в летних квартирах.

Фон Пфейфер недовольно постучал согнутым пальцем по столу:

— Я вас затем и собрал, господа... Нам нужно обсудить вопрос: как согреться? Припомните, пожалуйста, все известные вам способы согревания.

— Рюмка бенедиктина с чашкой настоящего кофе в теплом берлинском кафе...— начал было один офицер.

Но пожилой полковник с лягающими зубами желчно перебил его:

— Бросьте, Фриц! Вам двадцать два года... Когда великий фюрер пришел к власти, вам стукнуло только тринадцать лет. Откуда вы знаете, что такое теплое берлинское кафе и настоящий кофе?

Некоторое время все молчали. Потом молоденький лейтенант с испуганными глазами несколько сконфуженно сказал:

— Я могу поделиться только своим личным опытом, господин генерал... Если, например, надеть шесть пар дамских трико, три бюстгалтера, набитых ватой, обернуться шерстяным платком...

Фон Пфейфер грубо оборвал неудачного советчика:

— У вас не только бюстгалтер — у вас и голова набита ватой. Где я возьму столько дамских трико, чтобы одеть целую дивизию? Ищите более простые способы, как согреться.

— Русские, чтобы согреться, надевают тулупы и валенки,— послышался чей-то голос.

— Тулупы и валенки?! Вы бы еще посоветовали выдать каждому солдату по бобринской шубе и собольему палантину! Ближе к природе, господа...

— Звери, чтобы не мерзнуть, обрастают шерстью.

Генерал вдруг ударил себя по лбу и радостно захохотал:

— Ба! А ведь это идея!

— Какая идея? Обрасти шерстью?

— Зачем шерстью? А если предложить

всем солдатам опустить бороды? Отличное сопровождающее средство...

— Я могу поделиться только своим личным опытом, господин генерал,— снова замямлил молоденький лейтенант с испуганными глазами.— Мы с Фрицем набивали бюстгалтеры не только ватой, но и волосом. И волос греет лучше...

Поднялся страшный шум.

— Позвольте!— кричал пожилой полковник с лягающими зубами.— У меня главным образом мерзнут ноги. Какая же мне нужна борода, чтобы согреть ноги?

— А ко мне в часть присылают подкрепление только семнадцатилетними мальчишками. У них вообще бороды не растут.

— А у меня...

Но в этот момент послышался сигнал полевого телефона. Начальник штаба взял трубку — и у него сразу задрожали и руки, и трубка, и голова с каской, и голос.

— Казачьи части прорвались в тыл нашей дивизии! — заорал он.

Генерал вскочил:

— Господа офицеры! Мы совсем забыли, что самое лучшее, самое верное средство согреться — это побегать, — и он вылетел из землянки, как пуля из автомата.

Генерал фон Пфейфер и его штаб согревались ровно двадцать три километра. Средство действительно оказалось самым верным. Молоденький лейтенант давно сбросил все свои трико, у пожилого полковника отлично согрелись ноги, а что касается самого генерала, то от него шел пар, как от загнанной лошади.

На двадцать четвертом километре их нагнали казаки.

Евг. БЕРМОНТ

Сказка о которых

Французский министр внутренних дел Пушо создает специальные полицейские отряды для охраны немецких военных.

(Из газет.)

БЫЛА страна, которую предали лавали. И пришли немцы, которые ласкали лавалей за то, что лавали предали. Но тут появились колетты, которые стреляли в лавалей, которые предали. И тогда немцы убивали колеттов, которые стреляли в лавалей, которые предали. Но колетты все же стреляли, и лавали дрожали. И тогда немцы брали заложников, которых убивали за то, что колетты стреляли в лавалей, которые предали. Но тогда колетты начали стрелять в немцев, которые убивали, чтобы не дрожали лавали, которые предали, тогда и немцы задрожали. И пришли новые лавали, которые охраняли немцев, которые дрожали, потому что в них колетты стреляли за то, что они заложников убивали, чтобы не дрожали лавали, которые предали. Но колетты все же стреляли, немцы убивали, но лавали убывали, хотя их немцы охраняли, и сами немцы дрожали, потому что они тоже убывали. И немцы, которые дрожали, французских жандармов призвали, чтобы они их охраняли от колеттов, которые в немцев стреляли за то, что они заложников убивали, чтобы не дрожали лавали, которые предали. Но немцы французским жандармам не доверяли и из Берлина штурмовиков прислали, чтобы они наблюдали, как французские жандармы немцев охраняли, в которых стреляли за то, что они колеттов убивали. Но колетты стреляли, и штурмовики задрожали и потребовали, чтобы их охраняли лавали.

И немцы скукали: не хватит лавалей!
ТРИО

Боец Иван Сысов из деревни Малье Пески.

Обер-ефрейтор Ганс Зиммер из дивизии «Великая Германия».

Мороз-воевода

Под Москвою вьюга заится,
Ходит ветер строгий,
Отморожен нос у Фрица,
А у Франца — ноги.
Опечалила невзгода
Гнусного бандита:
Как безносого урода
Встретит Маргарита?
Франц, настроенный тревожно,
Проворчал со злобой:
— Убегать без носа можно,
А без ног — попробуй!

И. О.

Короткая очередь

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ НЕ СОВРАЛ

«В Крыму на даче славно отдохнем», —
Фельдфебель Шпутц жене писал,
Кличась.
И точно — сокрушительным огнем
Навек ему шродлили мертвый час.

НЕ ПОМОЖЕТ!

«Выпрямляю фронт восточный», —
Гитлер врет, не уставая.
Но не вывезет бандита
Ни прямая, ни кривая.

В. ГРАНОВ

Новейший письмовник

(Ценное пособие для немецких солдат)

Немецкий генерал Шведлер, раздосадованный непрекращающимися жалобами и стенаниями своих солдат, издал приказ о том, что в Германию «отправляться будут лишь те письма, в которых присутствует дух бодрости, свойственный немецкому солдату».

Идя навстречу возникшей потребности в «бодрых» письмах, мы и составили настоящий письмовник, пользуясь которым любой фашистский вояка всегда сможет послать домой письмо, соответствующее вкусу своего генерала.

I

Дорогая Лизхен!

У меня все очень хорошо. Здоровье, благодарение фюреру, великолепное. Квартира у нас превосходная. На пиццу тоже не жалуемся. Все товарищи: и Людвиг, и Ганс, и Фриц, и Вилли — сейчас лежат рядом со мною.

Однако, милая, пора кончать письмо, так как мне страшно мешает крик мужественного Людвига, которому врач в этот момент перевязывает ампутированную ногу.

Пусть тебя не удивляет, Лизхен, то, что письмо написано чужим почерком: мне во вторник случайно оторвало правую руку.

Хайль Гитлер!

Ганс Мюллер.

II

Милая Грета!

Не беспокойся о моем здоровье. Простуда, слава богу, мне уже не угрожает. Я абсолютно не кутаюсь и кожу не только без шарфа, но даже без шинели и только в одном левом ботинке. Свежий воздух настолько закалил меня, что даже воспаление легких я перенес, лежа в супрубе.

Слухи о русских морозах сильно преувеличены. Здесь морозы настолько нечувствительны, что я уже давно не чувствую ни носа, ни ушей, ни пальцев на ногах. А мой друг Франц совсем перестал бояться холодов. Позавчера его похоронили.

Твой муж Леопольд.

III

Дорогой отец!

Я жив и здоров. Чувствую себя отлично. Боевой дух в нашей роте крепок, как никогда. Мы все: и пехота, и артиллерия, и саперы, и даже писаря — бьем и давим их с утра до утра. Обер-ефрейтору Герману Килоку удалось уничтожить свыше двухсот. Сам я раздавил собственными руками сто сорок штук только на теле, не считая еще тех, что в голове.

Желаю таких же успехов нашему славному полковнику.

Твой сын Фридрих.

— Прежние неудачи я сваливал на фельдмаршала Браухича, за теперешние придется отвечать тебе, ефрейтор Гитлер.

Из Европы обратно

После «побед» в Европе старой
Фриц на Восток рванулся яро;
Он в трехнедельный краткий срок
Хвалился покорить Восток.
Одет в броню, прикрытый каской,
Он смаковал французский юг.
Бронею и звериной маской
Хотел он взять нас на испуг.
Увы, увы! Мечты разбиты.
Осталась маска от бандита
Да каска старая в снегу,
Утерянная на бегу.
Он получил у нас «Европу».
— Налево! Шагом арш! Кругом! —
Ему мы крепко дали в рифму
Красноармейским сапогом.

ИВАН МОЛЧАНОВ

Фашистскому солдату

Тебе обещали зимовку в Кремле —
Зачем же ты роешься в мерзлой земле?
Ты б шел на Тверскую! Ты б шел на
Арбат!
Иль наши снаряды идти не ведают?
Скажите на милость! А «фюрер» вопил,
Что все наши пушки в крови утопил,
Что армии наши в плену и в земле, —
Тогда почему ж не сидишь ты
в Кремле?..
Ты б вышел на площадь, устроил
парад!
Иль мины и пули идти не ведают?..

Но кто в вас стреляет?.. Чего
ты молчишь
И только зубами от стужи стучишь?
Тебе обещали зимовку в Кремле —
Зачем же ты роешься в мерзлой земле?
А впрочем, копай свой последний окоп!
Ложись — и могилу засыплет сугроб!
Креста не дождешься: вас много
окажет, —
И общий над вами поставим мы крест!

Алексей РЕЗАПКИН

Вся мужская часть обширного семейства Мюллеров, за исключением придурковатого дедушки Фрица и золотушного гимназиста Куртхена, давным-давно взята на фронт. А вот вчера получили призывные повестки и троссфатер с внуком. Наутро старый Мюллер собирает свидетельства о своих старческих немощах и в сопровождении Курта бредет на призывной пункт.

Начальник пункта скептически разглядывает ветхое стариковское тело Фрица и, вздохнув, обращается к нему ненатурально веселым голосом:

— Вам шестьдесят три года? Кто б мог подумать?! Выглядите совсем молодцом!

— Что? — вытягивает кудую шею дедушка и приставляет к уху ладонь.

— Молсидом, говорю, выглядите! — повторяет начальник.

— Как? — опять не слышит старик.

— Мо-лод-цом! — уже сердито кричит начальник и, обернувшись к доктору, спрашивает: — Надеюсь, годен?

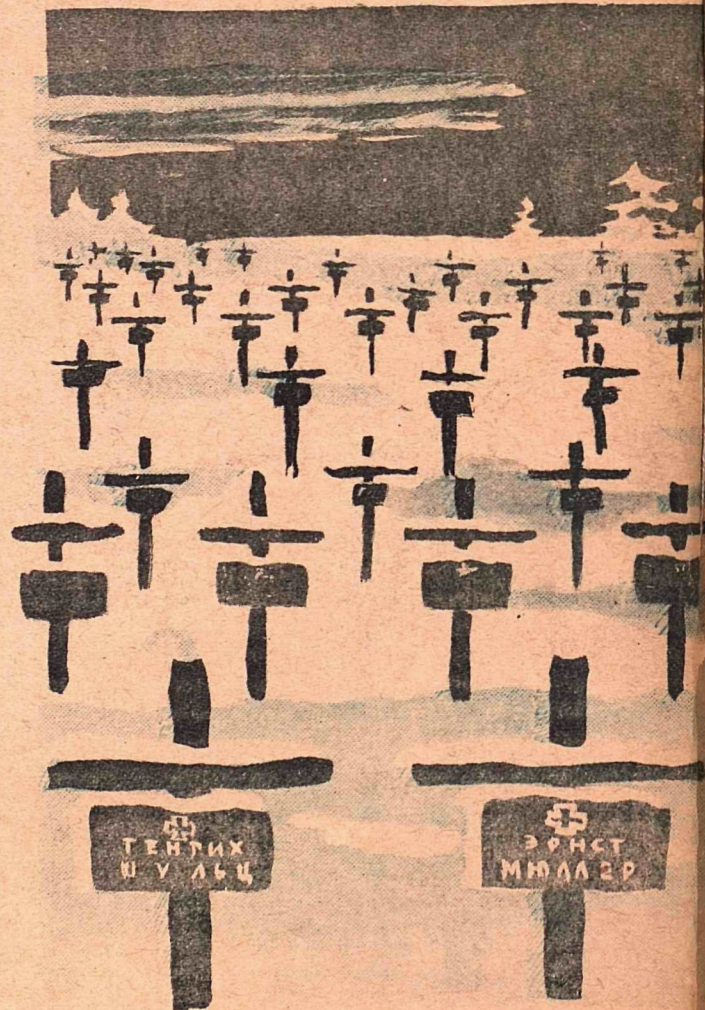
— Вполне! Только у него одна нога короче другой.

— Хромота — не препятствие для службы в имперской армии. Наоборот! Не так быстро будет бежать при отступлении.

— А если, господин начальник, придется наступать?

— Газеты сообщают, что наступление не предусмотрено нашими планами.

— Учтите, что у него, кроме хромоты, еще хронический суставной ревматизм.

Список лиц, посетивших ясногор...

И Внучек

— Тем лучше! Многим, чтобы получить ревматизм, пришлось полгода провести на фронте. А тут мы даем солдата уже с готовым ревматизмом... Что у него еще?

— Плохо соображает... Старческое слабоумие.

— Мюллеру и не надо соображать: за германского солдата думает фюрер.

Старого Фрица зачисляют в саперы, и его место перед столом начальника занимает юный Курт.

— Ты чего, мальчик, плачешь?

— К маме хочу...

— Я тебе покажу «к маме»! Поедешь к папе на Восточный фронт... Сколько лет?

— Пятнадцать, шестнадцатый...

— Кто-б мог подумать?! Выглядишь совсем олодцом!

Сопливого Куртхена тоже зачисляют в саперы. Когда очередной воинский эшелон отправляется на Восток, из вагонов доносятся мальчишеское всхлипывание и старческое ржательство. А начальник призывного пункта им временем дает бодрое интервью.

— О, наши резервы неисчислимы! Что кажется возрасту призванного контингента, ю... — начальник на секунду задумывается, затем, вспомнив Фрица и Курта Мюллеров, производит в уме несложный подсчет и продолжает: — Возраст в среднем самый боеспособный! Призванным в среднем нет еще и порока лет.

Е. ШАТРОВ

Б. Фридкина

Музей в октябре 1941 года.

Рис. Г. Валька

Крым, каким его представляет себе Геббельс.

Суд праведный

ЮЗЕФ Клоссовский был схвачен на одной из улиц когда-то шумной Варшавы.

— Поляк? — спросил Юзефа рыжий обер-лейтенант в польском отделении гестапо.

— Да, герр, — робко ответил Юзеф.

— Ну, все ясно. Признавайся: с кем ты покушался на жизнь его светлости генерал-губернатора области государственных интересов Германии?

Клоссовский удивился:

— Ни с кем...

Обер-лейтенант не дал Юзефу закончить мысль:

— Значит, один — запишем.

Все это произошло так быстро, что Юзеф, не поняв даже, в чем дело, предстал перед судом.

Судьи сидели важно. Они опрашивали Юзефа, в их тоне чувствовалось уже суровый при-

говор. После пятнадцатиминутного судебного заседания судьи удалились на совещание.

Старший судья Вульф предложил такой текст приговора: «Поляка Юзефа Клоссовского за покушение на генерал-губернатора приговорить к смертной казни».

Неожиданно раздался телефонный звонок. Из гестапо сообщили, что задержали настоящего виновника, посягнувшего на жизнь генерал-губернатора.

— А как же поступим с Клоссовским? — спросил один из судей.

— Пишите ему приговор, — твердо сказал старший судья: «Ввиду того что поляк Юзеф Клоссовский непричастен к покушению на генерал-губернатора, заменить ему смертную казнь пожизненной каторгой».

С. ЖУРАВЛЕВ
В. ОЗЕРНЫЙ

Жили-выли

(Сказка-быль)

В НЕКОЕМ царстве, в некотором государстве, скажем прямо; в коричневой Гитлерии есть небольшой городишко — «Швайндорф» называется.

Жили-были там колбасники да мясники, жирные пивовары, торговцы-надувалы да штурмовики-загребалы.

Жили-были в этом городе и люди. Жили они среди волков, но охоты не имели по-волчьи выть, перед волками шапку ломать.

Озорных и неслухмянных успокаивали на все лады: кого повесили, кого расстреляли, а кого за колючую проволоку на долгий отдых послали.

А чтоб в голове прочих жителей не завелись мысли, им, жителям, строго-настроено велели, чтоб они думать не смели, потому что от этого киснет и свертывается чистая армейская кровь.

Среди взрослого поголовья сего города имелось:

- а) 370 Фрицев,
- б) 325 Гансов,
- в) 217 Германов,
- г) 172 Эрика, Вальтера, Генриха и

д) 1000 Адольфов — по числу домов города Швайндорфа. В каждом доме Адольф. Это обязательно. И непременно. Тысяча домов — тысяча Адольфов.

Жили Фрицы и Гансы, пивом наливались, расовой теорией наслаждались:

— Нет на белокуром свете правыше колбасников из Швайндорфа!

— Нет краше наших мясников!

— А всю Европу и окрестности завоюют штурмовики — СС, то есть наши сыны!

Так они жили. Жили-выли. Хейль!

Хейль — раз. Хейль — два. Хейль до бесчувствия. И пошло коричневое стадо войной на человечество.

И ринулись в поход, громко бряцая оружием, жители Швайндорфа: колбасники да мясники, жирные пивовары, торговцы-надувалы да штурмовики-загребалы — все 370 Фрицев, 325 Гансов, 217 Германов и 172 иных и прочих.

Остатись в городе лишь Адольфы — разным счетом одна тысяча.

Где-то далеко-далеко пушки прохотали, пули летали, самолеты гудели, города горели.

Топтали Европу сапоги, подбитые железом:

— Ейн — цвей — дрей!

Музыка свирепо играла. Звенели-гудели барабаны. Кованые сапоги стучали:

— Ейн — цвей — дрей!

Гроби и пожирай! Домой, в Швайндорф, слали посылочки-трофеи. Фрицы — панталоны, Гансы — одеколаны, Германы — белье, Генрихи — то да се.

Разлюбозное дело — война! Блин — и никаких гвоздей. Сидишь в танке, как в банке: тепло и не дует.

— Воюем-блицуем и там и тут. Зеер гут! Очень хорошо!

И стоишь все это недорого — одни пустяки: шишки еловые да головы дубовые.

Под Варшавой-городом Швайндорф потерял:

- а) 17 Фрицев,
- б) 15 Гансов,
- в) 13 Германов,
- г) 9 штук прочих и иных.

Под Парижем — слава Петэну! — убытки были небольшие:

- а) 13 Фрицев,
- б) 11 Гансов,
- в) 8 Германов и
- г) не то 3, не то 4 Генриха и Рудольфа.

Да и на полуострове на Балканском не ахти какая серьезная недостача. Поубавилась у Швайндорфа малая толика, — словом, единички, и еще живют-поскакивают многие Гансы и Фрицы. Есть кому кровь проливать на широком жизненном пространстве.

— Ейн — цвей — дрей! Русе, сдавайся!

Но и рус и Русь ответили: «Не боюсь!» И впрямь ничуть не испугались.

Навстречу гостям непрошенным полетели пули и снаряды — чем богаты, тем и рады. Их потчевали гранатами, кормили гусеницами, а на закуску с уксусом холодец — русский штык-молодец.

Угощение отменное — у Фрицев и по усам текло и в рот попало.

Здорово, братцы, попало! Стали жирные пивовары худеть, начали колбасники тощать, терять фунты-килограммы, а заодно, ладно, и штаны защитного цвета.

— Ейн — цвей — дрей! Ложись и помирай!

И надо им отдать справедливость: аккуратно ложились, охали-вздыхали и подыхали.

И каждую неделю город Швайндорф терял одну — другую дюжину Фрицев, Гансов, Германов и прочих и иных.

А в местных ведомостях для оживления густо печатались траурные объявления.

Но вихние генералы да капралы не переставали тарыхтеть: «В понедельник будем Московю владеть. А если не в понедельник, то непременно во вторник».

Фотомонтаж Б. Клинка

Но Москва все далека и после вторника и после дождичка в четверг.

Потому что, как известно, скоро сказка сказывается, да не скоро... Короче, говоря, собиралась фашистская синица море зажечь.

Зажечь не зажгла, только время провела.

Только время провела и — доннер веттер! — наступила русская зима.

С одного боку пули и шрапнели, с другого — морозы да метели. Тут тебе и артиллерия, пуг и дивентерия. Лопай, что хошь, — в мину и вошь. А в добавление — легких воспаление.

Зима наступила, но это бы с полгоря. Армия Красная пошла в наступление! Вот существенное ко всей этой истории добавление.

Так, братцы, начинается новый, 1942 год — в городе Швайндорфе большой недород. Был сильный звон, а получился один урон.

Не осталось в живых в городе ни одного Фрица, ни одного Ганса, никого из взрослых мужиков. А тысяча Адольфов пока что целы и невредимы — в каждом доме по приказу магистрата висит портрет дегенерата.

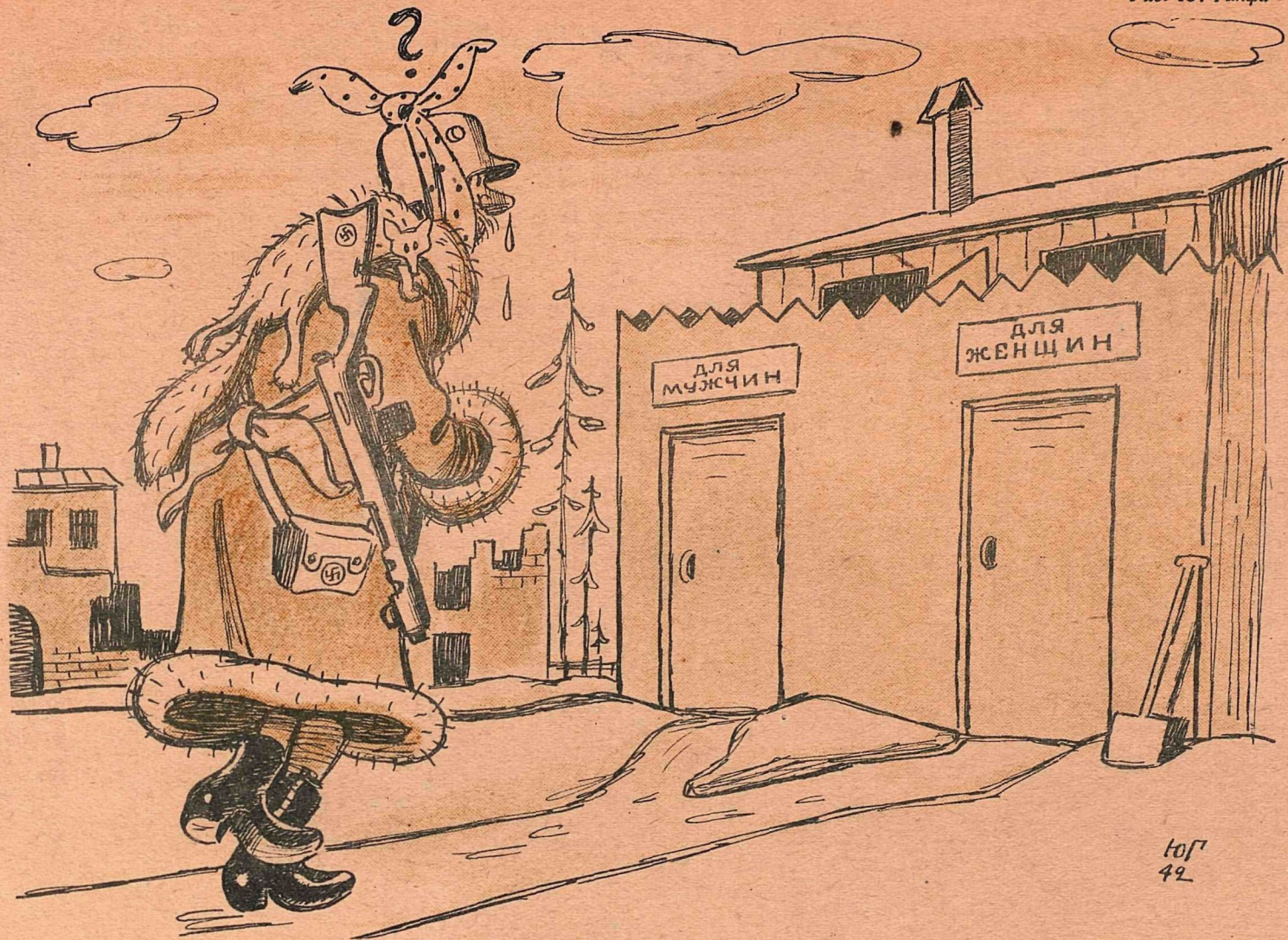
И кажется, нет-нет, а вздрогнет на стенке портрет. Ведь близок час, когда вместо множества копий повесят один оригинал.

Тут бы и нашей сказочке конец. Но жив еще Адольф-под... Ну, ладно, читателю подсказывать не будем рифму, сами подберут советские люди.

Жив-то жив, но и это в скорости пройдет. За тобою слово, новый год!

Его: Борьба...

Г. РЫКЛИН

Немецкий «витязь» на распутье.

Метким ударом

(По столбцам фронтовой печати)

СТАРУШКА И ГАНС МЮЛЛЕР

(Старая погудка на новый лад)

Вечер был, сверкали звезды,
На дворе мороз трещал,
По дороге брел Ганс Мюллер,
Посинел и весь дрожал.
— Фюрер! — говорит Ганс Мюллер. —
Я прозяб и есть хочу,
Кто напоит и накормит?
Где ночлег я получу?
Шла дорогой той старушка,
Партизанка Фомина,
Приютила, и согрела,
И поесть дала она!
И на снежную постельку
Мюллер Ганс упал бревном.
Вмиг закрылись очи волчьи,
И заснул он мертвым сном.

(«За отечество»)

В НЕМЕЦКОЙ ШКОЛЕ

Учитель (обращаясь к ученику): — Скажи, Фриц: каким образом тебе удалось запомнить так много названий советских городов?
Фриц: — Очень просто, господин учитель. В Пскове погиб мой старший брат. Под Смоленском пропал без вести другой брат. В Полтаве русские убили моего двоюродного

брата Эмиля. Около Днепропетровска попали в плен мой дядя Карл. Под Орлом партизаны тяжело ранили моего дедушку, которого назначили нести караульную службу. А в Ростове на Дону разорвало гранатой моего отца.

(«Боевая красноармейская»)

ИСТОРИЯ С САПОГАМИ

Фриц писал жене домой:
«Горько будет нам зимой,
Здесь мороз — помилуй бог!
Я ж остался без сапог.
Если можешь, помоги,
Вышли, Берта, сапоги». Над лесами, над полями
Проходили дни за днями.
Берта мужу пишет мило:
«Сапоги тебе купила...»
А у Фрица для сапог
В этот день не стало ног.

(«Вперед, за родину»)

ПОКА ГОВОРИЛ ОФИЦЕР

Держал он перед строем речь.
Он говорил всерьез:
— Вперед! Там в каждом доме — печь,

Нестрашен нам мороз.
Он говорил, он призывал.
(Декабрьский ветер завывал.)
Он начал речь — крепчал мороз.
Он кончил речь — весь полк замерз.

Старший политрук Л. САКСОНОВ.
(«Уничтожим врага»)

НЕ ПОНЯЛ ВОПРОСА

Фашистский полковник спрашивает лейтенанта:
— Удалось вам обратиться в бегство красноармейскую часть?
— Так точно, господин полковник! Она бежала за нами километров шестнадцать и не могла догнать!

(«Во славу родины»)

ИЗ ПИСЬМА ВОЕННОПЛЕННОГО РЯДОВОГО ЭРИХА ШЛЮППЕ

«Дорогая Преткен!
Можешь меня поздравить. План, предложенный фюрером, окружения и взятия под Москвой оправдался полностью.
Окружены и взяты...»

(«Сталинское знамя»)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Рукописи не возвращаются

Адрес ред. Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 1 р. 60 к. в месяц.

Изд-во «Правда».

А 50105. Москва. Изд. № 82.

Подписано к печати 19/1 1942 г.

Статформат 72 × 105 см.

Печ. л. 1. Кол. зн. в 1 печ. л. 78000

Типография газ. «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 120. Тираж 271 000 экз.

— Ради бога, Карлуша, не выходи на улицу так тепло одетым:
ведь ты можешь умереть!